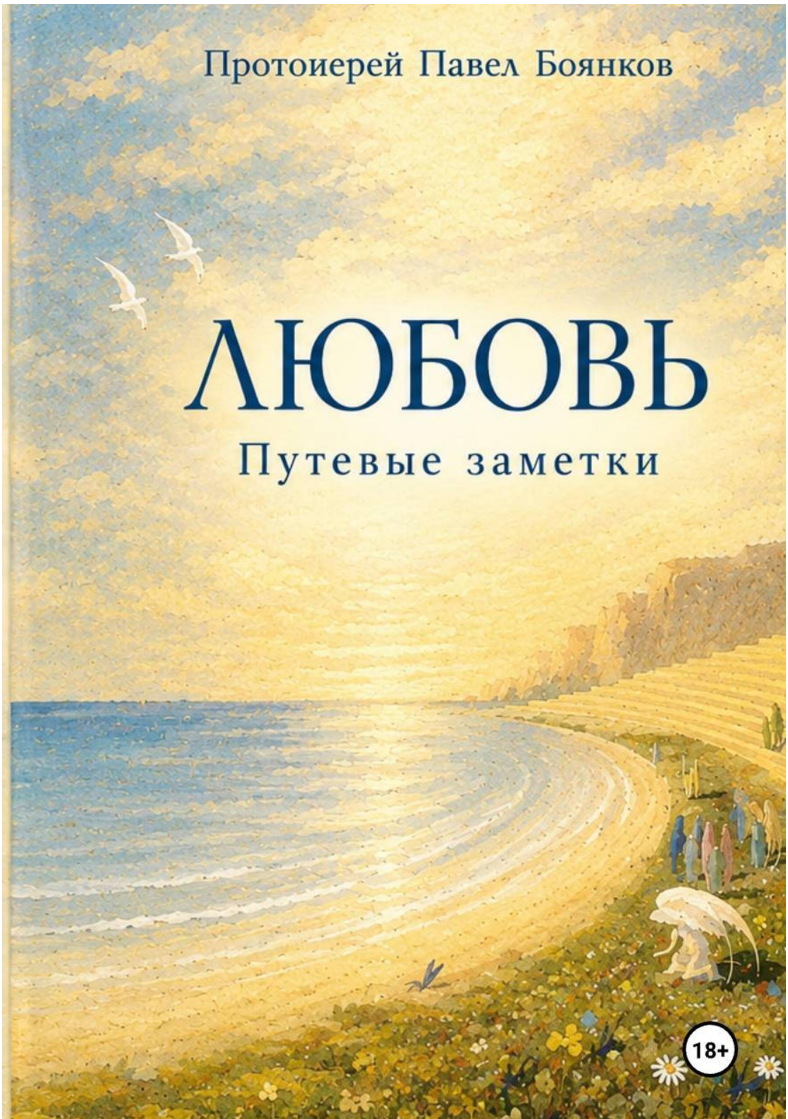
Протоиерей Павел Боянков

ЛЮБОВЬ

Путевые заметки

18+

Протоиерей Боянков
Любовь. Путевые заметки

https://litres.ru/74813099
SelfPub; 2026

Аннотация

Любовь. Путевые заметки – книга лирической прозы и поэзии православного священника протоиерея Павла Боянкова, члена Союза писателей и Союза журналистов Беларуси, вышедшая первым изданием в 2013 году.

Ранее публиковавшиеся в журналах, ее отдельные фрагменты, собранные воедино, представляют собой своеобразную мозаику, лирический дневник, заметки о пройденном жизненном пути, первой любви и обретении веры, отражении вечных евангельских истин в современной повседневности. За истекшие десять лет книга заметно увеличилась в объеме.

Для широкого круга читателей.

Протоиерей Павел Боянков
Любовь. Путевые заметки

Протоиерей
Павел Боянков

Любовь
Путевые заметки

Поставь себе путевые знаки,
поставь себе столбы,
обрати сердце твое на дорогу…

Иер. 31:21

Издание второе, исправленное и дополненное

Минск

Аннотация

“Любовь. Путевые заметки” – книга лирической прозы и поэзии православного священника протоиерея Павла Боян-

кова, члена Союза писателей и Союза журналистов Беларуси, вышедшая первым изданием в 2013 году.

Ранее публиковавшиеся в журналах, ее отдельные фрагменты, собранные воедино, представляют собой своеобразную мозаику, лирический дневник, заметки о пройденном жизненном пути, первой любви и обретении веры, отражении вечных евангельских истин в современной повседневности. За истекшие десять лет книга заметно увеличилась в объеме.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Аннотация……2
Содержание ..…… 3
Посвящение ……4
Осенний дневник ……..…..5
Из писем о любви ……...7
Начало. Объяснение в любви ……10
Осень и память. Падать и вставать ……..12
Возвращение ……..16
Моим близким и дальним ……...18
Боль по дому ……..28
Сны ……..31
Здесь на дискосе ……33
Муж и жена в Новом Завете ……35

Как все начиналось ……...41
«Посвящение к неизданной комедии» ……..49
Осенний проповедник …….…….57
Святарусь ……..…..67
Воздаяние ……...…70
Покаянное Сретение: Иаков, Лия и Рахиль …74
Что такое любовь ……..79
Царица Савская ……80
Жизнь продолжается ……84
Видящий и поющий ……88
Прелюдия. Превосходнейшая песнь ……..94
Обращение к избранным псалмам …….99
Царская молитва (царя Манассии) …… 104
Товит и Товия: угодные благому Богу …….107
«Не унывайте» ……..109
«Не завидуйте» ……..…113
«Не судите» ……116
«За все благодарите» ……119

_____*_____

Спроба рэцэньзіі … ……121

Посвящение

Дочь моя, здравствуй! Я начал это письмо в апреле 1990

г., тебе вот-вот исполнится шесть лет. Прочтешь ты его позднее.

Жизнь разлучила нас, когда тебе не было и полутора лет. Вышло так, что передо мною остро и прямо была поставлена проблема выбора: или Крест (как символ веры в Христа), или семья (ты и твоя мать). Нет нужды после стольких ушедших лет выяснять, а были ли вправе неверующие ни во что (?) люди ставить вопрос с такой категоричностью. Главное – в другом.

Для христианина несение Креста неотделимо от земной жизни, является ее настоящим олицетворением. Отвергнуть Крест для него равносильно совершению самоубийства. Возможно ли вообразить такое: если любишь жену и дочь, то иди и немедленно бросайся под поезд. Но это, с виду простое, разъяснение пришло ко мне по прошествии времени, а тогда мой ответ был скорее интуитивным. Результат не замедлил сказаться. Когда в одном человеке – верность Кресту, а в другом – неприязнь к Нему (пусть даже и невольная, до конца неосознанная), то им трудно ужиться друг с другом. Все последующие события были как бы вторичными, но от того никак не менее болезненными.

Да, это правда, что я оставил вас, но правда и то, что я не оставлял вас ни на один день. Именно поэтому я имею право сказать тебе то, что считаю особенно важным.

Ты должна любить свою мать, выносившую и родившую тебя, заботящуюся о тебе. Но между тем бойся стать само-

влюбленной эгоисткой. Эгоизм подобен психическому заболеванию и разрушителен для человеческой души.

Так же бойся не реализовать себя. Сколько бы ни получил человек талантов от Бога, ни один не должен быть зарыт. А это просто невозможно без терпения, трудолюбия, усидчивости. Только в сочетании с такими качествами талант способен развиться и приумножиться. Если же человеку от рождения было дано и не слишком много, он терпеливым трудом достигнет многого. При этом никому не завидуй и не превозносись. У каждого своя жизнь и свой путь.

Живи судьбой своего народа и гордись, что принадлежишь от плоти и крови ему, великому во взлетах и падениях, ибо что может быть почетнее, как не распознание тайны того, кто подарил тебе жизнь. И как мою кровь от рождения, как жизнь и спасение – прими веру в Господа Иисуса Христа, распятого за всех нас.

Храни тебя Господь и Пречистая Матерь Его.

Твой отец.

Осенний дневник

Осень – странная, очень любимая мною пора. Именно такая, прозрачная, солнечная, как сегодня. Покров.

Осень не рифмуется ни со словом «память», ни словом «печаль». Только поэтому я пишу белые стихи, верлибры,

ритмизированную прозу. Она – всегда сама по себе, уйдя далеко от летнего тепла, она, эта осень, не спешит к зимним холодам. Не спешу к ним и я, ведь моя жизнь тоже сродни осени, осени чаще дождливой, иногда солнечной, но всегда чуть печальной.

Догорай, мой герой, догорай мой бессонный, обожженный болезнью печали остывающих лет, тускло тлеющих дней. Попрощаюсь достойно, спокойно, но забуду едва ли молчаливый ответ заоконных огней.

В этой осени зашифрована, зарифмована боль, скрыта от глаз, почти невыразима. А ты, ты поймешь меня позже, когда все вокруг изменится, вот только мы уже ничего не сможем изменить.

Я растерял, растратил все слова, у меня их давно не хватает, ведь к тем, сказанным когда-то, ты отнеслась очень легко и равнодушно. Я ни в чем не смог убедить тебя и сегодня. И вот вместо слов – неясный мотив, тихая музыка.

Добрый мой, милый друг, я не могу тебя позвать и не зову. Судьба мне – и в слове «ждать», и с болью жду. Вот только к нашей встрече не готов. В ненастный этот вечер не стало слов.

Правда, нам было бы много проще посмотреть друг другу в глаза, посмотреть на портрет нашей дочери, и я взял бы тебя за руку. Все так. Все по-прежнему. Ты – далеко, молчишь подчеркнуто холодно и отчужденно. Я сказал тебе все. Когда дочь станет взрослее, она сама сможет прочесть то, что

я напишу ей одной.

Там, на улице, холод и казнь, а на этой картине – улыбка. Там, в душе, обожженная боль, а на детском лице – улыбка. На часах истекает жизнь, словно чья-то пустая ошибка, потерявшая силу соль, обессилившая улитка…

Я – раб лампы. Словно джин из арабской сказки я бессонно ищу все новые и новые слова при ее свете.

Я еще надеюсь…

Старая книга, пожелтевшие страницы: «Редки подобные свидетели потому, что нет подвига более трудного, более болезненного, чем подвиг и борьба за любовь; потому, что нет свидетельства более страшного,

чем свидетельство о любви; и нет проповеди более вызывающей, чем проповедь любви».

Как волны накатываются на берег, как струи дождя опускаются на землю, как листва и ветви деревьев движутся мелодично. Слушай!

Где поднимается утреннее солнце, где влетают птицы, где встает человек и делает первый шаг. Смотри!

Я услышал. Вот звук, вот мелодия, вот голос. Пойдем. Это – не стихи, не музыка, не рисунок. Это – я и ты. Скажут: так не бывает. Пусть.

Ждал ли я этого, знал ли о своем счастье? Пойдем же вдвоем, я и ты. Время остановилось и ждет, дни мои и жизнь моя, все мы ждем твоего ответа. Я каждую секунду говорю себе «да», я прошу твое «нет», которое одно сильнее множе-

ства слов, я прошу, пойдем со мною.

Смеясь сквозь слезы, в странном мире проходит человек. За ним – его друзья, все близкие, все люди идут, смеясь и плача. И все кого-то ищут, там и здесь проходят мимо. Найдя и не найдя смеются, плачут. Живут. И думают, что знают все причины, будь то смех или слезы, правда или ложь.

Счастлив тот, кто вошел в мир с открытыми глазами. Пусть увидит и узнает любовь и нелюбовь, себя и других, небо и землю, начало и конец. Пусть испытает мир и испытывает себя. Пусть определит место сокровищу своему.

Из писем о любви

Но имею против тебя то,
что ты оставил
первую любовь твою.
(Откр. 2:4)

В старых тетрадях спрятано слово «люблю». Бесконечно далекие годы, живая сказка юности.

Я прикасаюсь к ней и звучит неповторимое.

«…Одиночество – худшее из зол. Но, оказывается, есть и более подлые вещи: чувство бессилия и ненужности.

Я хочу видеть ее счастливой, а сам не знаю, чем помочь, хотя, я уверен в этом, она слишком часто чувствует себя оди-

нокой. Это и есть бессилие. Я хочу быть нужным ей и сам убеждаюсь в этом.

Я даже говорить с ней ни о чем не хочу, потому что знаю, как ей это будет неприятно.

Могу себе представить, что произойдет, когда человек, который тебе полностью безразличен, пытается нечто тебе доказать, начинает претендовать на что-то.

И все-таки любить ее я не перестану, этого отдавать никому не собираюсь. Если это отдать, забыть, то пустота будет ужасная. Было слишком много хорошего, чтобы забыть.

Вспоминаю октябрь 1972 года, когда в первый раз пошел с ней в кино, как ждал ее на проспекте, курил от волнения, и как она вышла из троллейбуса.

И еще на Минском море, классе 8-м, ночью в лодке, в темноте – ее лицо. И на выпускном, когда шел с ней рядом. И еще много хорошего.

И это лето и осень, когда снова встретил ее. Вот и получается, что все связано только с ней…»

«…Никогда и никому не писал до востребования, поэтому не знаю, доходят эти письма до адресата или без движения лежат в темных подвалах Новополоцкого почтамта. Выбираю идеальный вариант: ты не получаешь их или рвешь, не читая.

Поэтому начинаю смело!

Здравствуй, милая, желанная и родная!

Прошла всего неделя со дня твоего отъезда, но я уже со-

скучился без тебя ужасно. Сегодня заходил к вам и узнал твой адрес. Схватился за него как за соломинку, прибежал домой и сел писать письмо.

В начале - о самом главном. Ты в свое время спросила, что я о тебе знаю. А я сказал, что не хочу ничего знать. Дурость – и только, просто я не знал тогда, что ответить. За этот год я узнал тебя гораздо лучше, так мне кажется.

Ты – очень добрый человек. Выносить меня в больших дозах еще мало кому удавалось, а ты ни разу толком и не разозлилась на меня. Я даже анекдоты тебе рассказывал в корыстных целях. Мне очень нравится, как ты смеешься. Меняется лицо, смеются глаза, вздрагивают плечи.

А все потому, что я люблю тебя. Ты, конечно, ответишь так: «Здесь – всего одна сложность. Я ведь тебя не люблю». Ну что же теперь поделать, если так случилось. И можно ли разлюбить девушку только за то, что она не любит тебя? Для меня это очень важно. И надежда у меня останется всегда. Если человек во что-то очень сильно поверил, то это обязательно сбудется.

Вот и все! Прощаться не буду. Свалял дурака – уже попрощался однажды…»

«Лучше бы ты не говорила, что прочтешь мое первое письмо с вниманием. Мне сразу захотелось написать еще одно. В нашей с тобой истории писем фактически еще не было, и я хочу заполнить пробел. По-моему, отсутствие писем здорово обедняют отношения влюбленных. Влюбленный –

это я.

Я живу в придуманном мире. У нас с тобой все хорошо. Мы были предназначены друг для друга. Дочь будет похожа на тебя.

Весь этот мир – сплошная тайна. Я не пускаю в него сомневающихся.

Напиши хотя бы пару слов. Даже без предлогов, как на телеграфе. Можешь даже так: «Жива. Здорова. Не надейся…»

«Госпожа моя, предостойнейшая и прекраснейшая!

Преисполненный нежнейших чувств, в сей радостный праздник я обращаюсь к Вашему высокодрагому имени с сим скромным поздравительным комплиментом.

Пребываю в надежде, что Вам не неприятно будет, егда я письменно объявлю, како меня увеселил дорогой день рождения Вашего, и притом должнейшее мое поздравление в сих малых строках представлю.

Бог да подаст, дабы Вы еще многократно такового достопамятного дня при всегда умножающемся счастии и здравии дожити сподобились и, егда оный паки случится, чтобы мне того дни Вас, по Вашей изрядной любезности, видети.

Ныне же я дерзаю Вас, мою госпожу, молить, дабы слова мои Вы склонным сердцем восприняли и приязни своей меня не лишили. Я же при всех случаях жизни моей буду являть вам единую любовь и преданность.

При сем остаюсь Ваш, моей госпожи, послушный слуга. В Минске, лета Господня 1982, октября 31 дня».

Самую отчаянную невозможность писать письма можно преобразить в самое главное письмо – письмо о любви.

В этих письмах – моя любовь. Невостребованная вчера, сегодня, и здесь она вернулась на бумагу. И теперь я – не более чем соавтор этой любви, которая отныне существует как бы сама по себе. И стучится в другие души.

Так из небытия исходит слово…

Начало. Объяснение в любви

Моя любовь и ты – одно целое. Ты открываешь мне глаза, уши, сердце, мозг. Я вижу, слышу, бьюсь, размышляю. Начало – в тебе. Ты горда, хватит ли ласки, нежности, чтобы вернуть тебе хотя бы часть долга. Я должен тебе с того самого момента, когда узнал, что ты есть. Любя тебя, люблю других людей. Дорожу именем твоим и лицом твоим. Храню недоступность твою и грусть глаз твоих. Молюсь за боль твою, за сомнения твои. Пусть пересохнут губы и выступит пот на лбу. Судорогой и болью, с криком и скрежетом пусть выйдет из меня зло, пусть очистится душа моя, чтобы имя твое засияло в ней звездой. Пусть не рухнут стены дома твоего, когда нахлынут волны и подуют ветры, и не исказится улыбка твоя. Пусть цветы зацветут в этой улыбке. Ведь должен кто-то любить, тогда почему не я?

Прозрачность! Воздушной лаской

Ты спишь на челе Джиоконды.
Прозрачность! Божественной лаской
Ты реешь в улыбке Джоконды…
(из стихов В.Иванова)

Можно ли коснуться этого нечистыми руками? Нельзя и невозможно.

Все всегда чего-то ждут. Ум мой ждет и сердце считает дни. Я жду тебя, слышишь? Приди и протяни мне руку, у тебя такие узкие и легкие ладони.

В шуме улиц, в голосах и песнях, в порывах ветра и шелесте листьев, в стуке дождевых капель и звоне льда, приходи. Днем и ночью, в тепло и холод, к жаждущим и угасающим, приходи. Встань над миром, встань над землей, рядом с людьми встань.

Пусть смотрят на лицо твое, пусть смотрят в глаза твои, пусть радость переполнит их.

Я жду тебя. Среди бездушности и безнадежности я открою тайну – истину. Среди суеты и суматохи я найду покой. Среди глупого бормотания, циничного шепота и надсадных воплей я услышу твой голос. Пройдут дни, месяцы, годы, но я дождусь и встречу тебя. И тогда я не смогу заблудиться в этой немыслимой чаще, в этой свалке мелочей, ведь в моей руке будет узкая ладонь, ведь будет гореть свет в доме над дорогой и залает пес у твоего крыльца.

В солнечной метели золотых лип и кленов я увидел твое

лицо. В уголках губ твоих звучит ясная и чистая улыбка, играют солнечные зайчики. Глубокие, ласковые глаза смотрят в меня. Ты пришла, и я счастлив. Смеюсь вместе с тобой. Вижу великое и чудесное – твое смеющееся лицо. Я дождался, я люблю, я счастлив.

Ты пришла ко мне, и я освобождаю самое почетное место в душе моей.

Весь хлам, все пакости, эгоизм, глупость, злость, жадность – вон, прочь, в сторону. Нежность, покой и радость – все это ты принесла с собой. И все же скольких слов я еще не понял, знаю только, что горько мне, когда ты оставляешь меня. Ну, пойдем со мной, пожалуйста. Даже если тебе тяжело со мной иногда. Потерпи немного, все будет хорошо.

Сейчас ты, наверное, сидишь дома. Дождь за окном. Улыбнись своим мыслям. На несколько секунд забудь о том, где ты находишься. Вот ты идешь по широкому, полному цветов лугу. Ты выбираешь самые красивые и душистые цветы, ты сплетаешь и примеряешь венки. Тебе радостно и тепло. Пусть посмотрят на тебя непонимающе и спросят, что это с тобой. Улыбнись еще раз и ответь односложно: «Все в порядке». Я весь напряжен, и каждая моя клетка желает тебе счастья.

Идем дальше, прошу тебя. Вот твой дом, твой сад, пес лает. Слушай сказку про то, как я любил тебя. Это правда совершеннейшая.

Вижу наше утро. За просыпающимися ресницами откроются твои глаза. Осторожно трону золотистые пряди. Ты уже не спишь, ты только хитришь, за полузакрытыми глазами, но губы выдают тебя улыбкой. Открой же глаза, чтобы мне посмотреть в них, долго-долго смотреть в твои глаза, искать и находить, спрашивать и отвечать, угадывать и творить сказочное там, в глубине. Будем всегда неразлучны, перед всем миром и людьми станем едины, как заповедано нам, станем достойными нашего будущего, наших с тобой детей.

Слова мои так бессвязны, я повторяю их свои и чужие. Наша дорога, наша страна, наш мир – это любовь. Любовь – ответ на все вопросы. Любовь вечна и вечен любящий. Любовь всегда и путь, и тайна.

Вот они пошли, я и она. Слышишь, будто чей-то голос повторяет: «Так было, так было?..» Он правду говорит: так уже было много раз. И еще: когда говорят, что разбивают к счастью, – это неправда. К счастью только соединяют. Дай мне руку, пожалуйста.

Ясной и безветренной ночью земля становится ближе к небу. Они как будто придвигаются друг к другу. Горит костер, и искры его летят прямо вверх, к звездам, словно хотят встретиться с ними. Пусть одни слишком малы, пусть короток их путь, пусть другие огромны и недоступны. Гаснут искры, загораются звезды.

Осень и память. Падать и вставать

«Я люблю, я люблю». Как легко произносить эти слова, как легко бросить их, когда они такие маленькие и неживые. Как легко позвать людей в дорогу.

Вот они пошли, я и она. Но я все это только придумал, и когда-нибудь боль собственной ненужности исчезнет во мне. Все уйдет, и воздух вокруг станет прозрачным, светлым, холодным. Осень. Теперь я вижу твое лицо, только закрыв глаза.

Побледнеет небо. Осень придет и осыплется мне под ноги желтыми листьями. Нахмурится тучами. Дни станут коротки, на базарах подорожают цветы.

«Благостно господство Любви, ибо оно отклоняет стремление верных ей от всего дурного.

… Нет, не благостно господство Любви, ибо чем более доверия ей оказывает верный ей, тем более тягостные и горькие мгновения вынужден он испытать…»

(Данте. Новая жизнь).

И вновь подует осенний ветер и бросит мне в лицо последний октябрьский день – мой грустный праздник. Буду ходить по листьям, покупать цветы, буду праздновать осень, не свою и не чью-то – осень октября. И поставлю цветы за окно, чтобы за окном встали годы. И они пройдут передо мною, такие похожие и разные, и снова увижу улыбку твою. И не будет горечи во мне, но будет память, будет осень.

Паденье золотистого листа,
Дом, что поднялся над дорогой.
Звон колокольчика.

Открылось небо.
В неярком нежном солнце
Октябрь столкнулся с ноябрем.

В руке цветы,
Смущенная улыбка и надежда:
Созвездия не жалят человека.

Глядя в темные ночи, глядя в звездные ночи, улыбаясь по-детски, вспоминаю. Деревья и травы наклонились к лицу и шепчут про осень, про осень, которую жду, не дождусь.

Потеря или рана, досада или боль? Неповторимость эта светлая будет со мною долгие дни и годы. Время не смоет своими дождями ни лица, ни песни, ни все горько-сладкие слова. И грустные мотивы сами собой возникнут, и вместе с дождями протянутся к земле звуки скрипок. И шумно задвигаются кроны деревьев, теряя листья, зазвучит музыка памяти моей. Я помню о тебе, это звучит музыка, я слышу твой голос, он тих и спокоен, это падают листья.

В круге света, в круге тепла мне лицо твое знакомо. И закружился, и взвился грустный вальс, взметнулись золотистые листья. И узкие ладони твои призвали последний свет и

последнее осеннее тепло. И золотистые пряди упали на лоб твой. Грусть ли это, нежность ли в твоих глазах?

Но стареет мир мой, умирают дни, опадают и становятся хрупкими листья. Только зачем так легки мои вздохи и сухи глаза, будто не жалею ни о чем?

Старая книга, пожелтевшие страницы: «…Как дым на воздухе расходится, как цвет травы скоро опадает и увядает, как конь скоро пробегает, как вода быстро протекает, и как туман поднимается с поверхности земли, и как роса утренняя исчезает, или как птица пролетает – так минует жизнь века сего; или как ветер проходит, так мимо ходит и проходит время и кончаются дни жизни нашей».

И правда, словно ветер листает страницы многих книг, так говорят со мною ушедшие люди.

Проходят дни и годы. Прозрачные дожди, осенние закаты. В дождях, закатах лежит моя дорога.

И уже не будет дома твоего, но будут деревья вокруг и дорожка поднимется вверх и окончится травой, и не будет ни деревьев, ни травы, ни дорожки, но будет место, где все это было. И не станет никого, но будет память, будет осень, в которую никто не поверит, как в мою любовь.

Нужно хотя бы один раз увидеть невыразимую прозрачность глаз человека, удивительную теплоту духа, скрытую в них. Тогда примешь человека, ощутишь кровное родство с ним и узнаешь, какое сокровище скрыто в нем. Но огромно наше ожесточение, проходит счастливая минута челове-

ческой родной теплоты, и потом долго глядим в дождливые окна сухими глазами.

Что же нас зовет из прошлого? Исчезнувшее звать не может. Твоя память – это дни и дела твои, это люди, которых ты оставил, но которые никогда не оставят тебя. Сознавать свою высоту и свой ужас, сознавать это все в себе и в неясных, но глубоко знакомых звуках, живых и неведомых токах, что пронзают тебя, видеть много раз все, что потерял.

Мы – изгнанники, мы изгнаны, и вот мы стремимся, нам очень нужно снова вернуться туда, откуда мы. Всегда и во всем неполнота, ущербность, можно ли жить этой неполнотой?

Чего же мы не осознаем, что же мы потеряли в своей вековой окаменелости? Родину, отца? Что же мы утратили, чего нам так не хватает для жизни, ведь мы умираем? Что же нас зовет, если мы смертны, а кроме нас нет никого?

Так проходят дни и годы, и человек силится вместить в себя весь мир, все любимые лица. Что свяжете на земле, то будет связано и там. И ответ на все вопросы – та тонкая нить, что соединяет нас в наши лучшие минуты со всем миром. Любовь ли это? Причастность к чему-то до боли родному. Что говорит нам, что конец – еще не конец?

Как долог путь и много еще неясных слов. В нашем смутном мире, где все не на своем месте, где все уже исказилось до предела, нам трудно сделать даже самый простой выбор: между любовью и ненавистью, между жизнью и смер-

тью, вечностью и временем.

Какие странные, пугающие глубиной слова? То, чему я не могу найти объяснение, - выше меня. Я могу преклониться перед ним или попытаться сбросить его себе под ноги. Но если это – моя суть и мой смысл в этом мире? Тогда, ниспровергая, я лишаю себя смысла и источника жизни. Тогда конец предрешен.

Целый мир в нас. В нем живут люди, желтеют листья и земля скоро покроется снегом. Внутри человека – его смысл и его сила. Бесполезно спорить о внешних сторонах жизни, они – только неизбежные следствия внутренних трещин, ибо внутри человека – его бессмысленность и бессилие.

Я хочу вместить, но не вмещаю. «Невозможность вместить образ происходит от внутреннего неподобия образу» (слова Николая Кузанского).

Как же легко человеку обмануть себя! И как снова найти утраченное, когда мы слепы? И кто будет помнить о нас, когда мы забыли отцов своих, а дети наши не знают нас?

Велико наше наследие, но бездумно расточаем его. Наша любовь смертна и жизнь наша смертна. Мы слепы и не видим вины своей. Сколько зла творим мы и этим злом убиваем себя и других, и где мера этому злу?

Вот предательства, вот смерть и разрушение, вот звериное клеймо, но кто осудит нас, если так было всегда и таков путь человека? Что есть чьи-то слезы и кровь, если я не в отве-

те за брата моего? И чего стоит чужая жизнь, когда моя от рождения предана смерти? Добро и зло, любовь и ненависть – вот так все на свете через тление обращается в небытие. И кто станет судить нас, когда судьи наши тленны? Мы творим зло – страшен смысл слов.

Неужели здесь я беззащитен и бессилен и должен отступить? Мне, одному из многих, как носимому ветром осеннему человеку, выпало счастье любить. Но я слишком слаб, и жизнь моя ниже моей любви. Мне, как вину, не хватает еще крепости и выдержки. Я отступаю. Но могу ли я сказать: вот все и кончилось? Неужели это конец? Неужели мое алюминиевое сердце станет теперь весить 150 килограммов и его будут возить за мной на тележке? Это ли та вечность, к которой устремлен я? В чем же было мое поражение?

Я сказал много слов о любви, все они – правда, но я забыл о главном. Я не столько полюбил человека, сколько возвысил свою любовь к нему. Я сотворил себе кумира, и мой эгоизм победил меня. Я вновь обратился на себя. Я смертен, моя любовь смертна, и спасти она никого не сможет. Возможно, именно так уже было однажды с людьми, когда эгоизм и эгоистическая самость поставили их вне любви, а тем самым и вне жизни. Родилась смерть и пришла в мир. Всякое горделивое сотворение своей воли, отличной от воли Того, который есть Любовь, есть оставление любви и жизни. Здесь остановится самое алюминиевое сердце.

Разложи костер златистый,

Саламандру брось в него.
Меркнет вдруг восторг огнистый,
Зверь живет, в костре – мертво.

Так и ты, коль дьявол черный
В блеск любви введет свой лик,
Вспыхнешь весь во лжи узорной,
А любовь погаснет вмиг.

(Стихи Константина Бальмонта)

Возвращение

Мы забыли или не знали о главном. «Личное самоотречение не есть отречение от личности, а есть отречение лица от своего эгоизма» (слова Владимира Соловьева).

Моя воля не спасает, я оставлю ее и смиренно обращусь к Воле Спасающей. Вот – оружие. Очнись. Опомнись. Оглянись. Ведь жизнь проходит. Безумству твоему уж много лет, их было десять, десять долгих лет, а ты все любишь. Ты говоришь: проснись и успокойся. Я торжествую и люблю. Их было десять, десять долгих лет. Их было десять, как я рад. Но только десять, как мне грустно. Вы все мне говорите: проснись! Как вы все неловки, неуклюжи. Больно, больно!

Смертью, болью и одиночеством смиряет себя человек. И

любовь становится Любовью. Тогда человек с надеждой постучит в закрытые двери. Это – начало пути, тогда – вперед.

Господи! До чего мы дожили! Любить – значит издеваться над собой, мучить себя. Какое страшное извращение души: любить – значит издеваться над собой. Но я и сам виноват. Я слишком хочу жить уже здесь, но ведь именно в этом уходящем осеннем мире всех нас, и меня, и тебя, ждет страдание и скорбь, стужа.

Прости меня. Я хотел спасти тебя вне свободы и не спас тебя в свободе. Прости меня. Я освобожусь от тебя, но стану ли я свободен? Я без тебя – это не рана и не болезнь, даже не потеря, я только смиряю себя перед твоей свободой. Но и в свободе твоей зову тебя.

Пора. Пойдем. Там ждут. Нам нужно вернуться в Любовь и выйти из времени, которое нам чуждо, которое, как медуза Горгона, все мертвит своим пронизывающим и пустым взором. Жизнь без животворящей Любви состоит из одних потерь. Мы живем только в настоящем, что логично и самоочевидно. Будущее наше неопределенно, а настоящее обращается в прошлое с каждой новой секундой. Жизнь превращается в сплошную потерю при отчетливом сознании конечности ее во времени. Только в любви возможно соединить воедино прошлое, настоящее и будущее.

Господи! Кто из нас достоин покоя и счастья, любви и милости? И кто не мечтает о них? Мы не живем, но строим дом, в котором будем жить. Мы не живем, но ждем жизни.

Дорога – нет испытания строже. Готов ли ты? Твой путь перед тобой. Ступай же на зов, и откроешь себя. И познаешь себя. В гору. В гору. На далекий зов спеши. «Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовет тебя…Иисус спросил: чего ты хочешь от меня? Слепой сказал Ему: Учитель! Чтоб мне прозреть» (Мк. 10:49-51).

Так будет. И заплачу, и возрадуюсь чуду, и из слез моих сотворится правда моя. Так будет. И я осторожно возьму тебя за руки и посмотрю в твои глаза. Словом и дыханием в любви моей, тонкой дымкой укрою тебя от злых глаз, и не увидят. Все темнота погаснет, все злое восклубится на миг последним вихрем и исчезнет, бессильное исчезнет.

Отец и родина, все потери возвратятся к нам. И это будет Любовь, Любовь. И это будет литургия Любящих. И откроется Свет, который переполнит изменившийся мир, и вспыхнет мир в свете. Ах, Свете мой, Свете мой Невечерний!

Скажут: так не бывает. Ах, Свете, Свете мой Трисолнечный!

P.S. Послушай, я скажу тебе только то, что знаю сам. Даже одно, самое короткое прикосновение к любви способно животворить. Это встреча с величайшей тайной. От нашей ослабленной, человеческой любви возможно восхождение к сильной и величественной, культовой любви. Так любовь из неясного чувства может превратиться в высшую богословскую добродетель. Она может стать существенной (от сло-

ва «существо») и вещественной (от слова «вещество») одновременно, она – все во всем.

Друг мой! Я – не писатель. Я не искал подходящего жанра для своих заметок, я просто пережил каждую строчку как секунду жизни. Да, им не хватает связности, но всегда ли связна и последовательна наша жизнь? Да, они по-своему угловаты, но всегда ли жизнь человека сверкает огранкой подобно драгоценному камню?

Цель писателя – умножать книги, цель портного – шить кафтаны на все вкусы. Моя цель – лишь рассказать о пройденном пути. Им я шел, я там был.

Но опять зовет дорога.

Моим близким и дальним

Это было дождливым осенним днем. За окном пронесли гроб, как-то по-особенному нарочито играл оркестр. Я открыл «Любовь» Клайва Льюиса, прочел первые строки. Мне вдруг показалось, что мою, так и ненапечатанную книгу, похоронили.

Зря я всякий раз изумлялся, встречая у классиков переживания, до остроты похожие на мои собственные. Ведь если в душе возникают одни и те же чувства, то они так или иначе складываются на бумаге в одинаковые образы.

Можно сделать скидку на время. Мол, не печатали у нас того же Льюиса, поэтому я взял и написал слово в слово то же самое. Увы, плохая защита. Здесь-то и проверяется в человеке талант. Ведь о всем известной вещи можно написать свежо и по-новому, а можно – старыми, стертыми до пошлости штампами. Был ли я холоден и бесстрастен, бледен и невыразителен, пожалел ли ярких красок?

Я всегда честно завидовал людям, легко и мастеровито подгоняющим, прилаживающим слова к словам. Напротив, мне это всегда трудно давалось, часто с болью. Поэтому я быстро оставлял всякую поэзию и сбивался на проповедь.

Здесь-то и начинаются связи и совпадения просто поразительные. Казалось бы, что общего: старый английский джентльмен и я? Он уже написал свою книгу, а я едва еще появился на свет («не позже 1958г.»). Я шел ощупью, я искал слова, оставленные на этом пути до меня, и повторял их, когда находил. Они служили мне ступенями-вехами. Я писал приблизительно с 1976 по 1982 год, то есть с 19 до 25 лет. Потом я только правил по готовому. А он писал под старость, около шестидесяти. Но слова и мысли у нас одни. Лишнее подтверждение тому, что у нас – один путь. Последняя фраза у меня должна была звучать так: «Я тоже там был».

Раз за разом, проходя этим путем, рассказывая о пройденном, люди «ничего не выдумывают, даже не открывают, только повторяют забытое». Вот откуда все совпадения, начиная с названия («Любовь») и до самых глубоких истоков

(«Бог есть Любовь»). А я удивлялся, что в старых дневниках моих нет ни слова о родных, о друзьях, о доме. Все – о ней. Она едва не стала богом.

Итак, мы говорим об одном. Но «в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно» (Ин.8:17). Значит, я говорю правду, а для меня это важно. Льюис тоже начинал с «довольно слабых стихов» (по крайней мере так написано).

Пожалуй, что и я отнесусь теперь к своим более снисходительно.

Но, и это самое главное, я понял, что книга моя продолжается. Где-то там, далеко, в 1982 году, книга не окончилась, как не окончилась жизнь.

Жизнь сталкивает нас со многими людьми, обстоятельствами, событиями. Часть из всего прожитого легко предается забвению. Но все задевшее нас за живое, постоянно оседает на годовых кольцах, становится нашей сердцевиной. Описать это в одной книге, книге с предисловием и эпилогом, трудно. Пусть у этой книги будет только начало. Это, во-первых.

Во-вторых, чувство благодарности более прочно, чем обида. Именно оно окрашивает нашу память в светлые тона, именно так складывались эти строки.

В-третьих, я думаю об ответственности за слово. Говорят о том, что сквернословие и скабрезность (только один из примеров) неотделимы от правды жизни, а потому имеют

право на свои страницы. Я так не считаю. Бунин не простил Блоку одну рифму (!) на слово «пес».

Эти мои слова – из прошлого в настоящее, из настоящего в будущее, моим близким и дальним. Склоняясь над бумагой, я думаю о вас. «Мир вам дальним и близким» (Еф.2:17).

Четыре времени

Весна. Ирония

Как странно думать,
Что цветущими садами
Всего за четверть часа
Я могу прийти к твоему дому.
Увидеть, улыбнуться, как много лет назад.
И время обмануть,
И годы перебросить,
Как косточки на счетах,
И обмануть себя в который раз.
Нет, я не стронусь с места,
И стаи птиц-желаний,
Быстрых и гордых,
Взмыв в небо на мгновенье,
Опустятся, как куры на насест.

Лето. Водопад

«Вода благоволила литься…»
Л. Мартынов
«Я слышал много водопадов
Различных сил и вышины…»
К. Случевский
Задохнусь сосновой душной хвоей
И немыслимым солнечным небом.
На секунду замедлю падение времени.
Лишь только вода будет падать
И шумные брызги - на память, на память.
Да, только секунда –
И вместе с водою
Время, упавшее с шумом,
Вновь спешит - торопится
Вниз, по реке.
Тебе ли выдержать холод
Этих упругих струй?
Мне ли память свою отряхнуть
И высушить душу?

Осень. День рождения.

Я, как осень, намокшие листья наклею
На такой же намокший асфальт.
Аппликацию эту печальную

Я в конверт положу
И дождливо поздравлю тебя.
Или серым и тусклым туманом
Я войду в телефонную трубку
И все тем же дождем моросящим
Буду долго и зябко говорить о любви.
Или молча приду и, не вытерев ноги,
На подошвах своих принесу дождь и осень,
День рождения твой опечалив.
Я так горько влюблен,
И мне дорого то, что уходит.

Зима. Прощание

В далеком городе и стуже снеговой,
Сама того не зная,
Ты в этот день прощаешься со мной,
Мне чуждая, но не чужая.
Как далеко, как холодно, как жаль.
И я прощусь с тобой, надолго замолчу.
В молчании морозном – звонкая печаль.
Не о себе я пла́чу, но тебе плачў.
Не чернотой, но чистою мечтой
Наполню я знакомые слова.
Прости, пишу неловкою рукой:
«Печаль… мне жаль – увы, как эта рифма не нова.

В сей век январский, в гололед падений
Пусть Ангел сохранит тебя от бед и заблуждений.

Кажется, что все это было много-много лет назад, а не прошло и семи. Но совершившимся однажды, этим событиям, этим дням уже никогда не повториться. Нет тех домов, тех улиц, нет той чистой души.

Старому дому

В ветхих переулках затихают звуки,
Поселилась осень во дворах пустых.
Помнят эти стены встречи и разлуки,
Радости ушедших, горести живых.

От напасти близкой защищаясь стойко,
Хмурые деревья окружили дом.
Больше не жилище, даже не постройка –
Друг из старых досок, преданный на слом.

В помутневших окнах отразилось детство,
В эти двери вышли мой отец и мать.
Будь со мною вечно, памяти наследство!
Твой щемящий образ годам не сломать.

.

Родителям

Смерти нет, есть долгая разлука,
Вы ушли проторенной дорогой.
Ожидание – не мука и не скука,
Будет мне оно проверкой строгой.

Верю, что дождусь я с вами встречи:
Дней моих проходит вереница,
Разом вспыхнут поминаний свечи,
Светом тихим озаряя наши лица.

Осени

Любовью, как шальною пулей,
Нежданно и неповторимо
Был я навылет ранен в осень.
Время – санитар бинтами лет
Мне рану затянуло
И вынесло из-под огня
Осенних лип и кленов,
Но боль осталась.

Бывает, что неловкие движенья
По старым улицам и листьям золотым
В душе разбудят вдруг

Огни ночных костров,
За ними – строки песен и признаний.
Так на повязке выступят стихи.

Тебе или дождю

Омойте, о дожди,
лицо ожесточенных…
С.Ж.Перс. Дожди

Шуми же, дождь,
Омой слова, стихи, признанья.
Как много их сказано
Тенистыми ночами
О мире, солнце, о тебе.

Наши пути, дороги,
Дни и годы,
Улыбки и мелодии…
Как вместить в себя
Все эти чудеса?
Забыться нежностью твоей,
Наполниться твоею грустью
И, вдруг,
Тебя обидеть и забыть?
Пойми, нам нужно рядом,
Нужно навсегда.

Наш мир, от первых дней проникнутый Любовью,
Нас не разлучит.

Затем было другое время. Время старых надежд и новых бед. И это все близко, как будто вчера случилось, а между тем пошел уже четвертый год.

Живы те люди, стоят те дома, жив и я, «привет тебе, привет!». Но если шанс на возвращение?

Возможно, но все же это будут совсем другие люди, может быть, более добрые и отзывчивые друг к другу, но и, к сожалению, постаревшие при этом.

Твоему далекому голосу

Я знаю, ты ждешь меня,
Свет в окне.
Пусть беды, обиды
Сгорят в огне.
Пусть высохнут слезы луж.
Не спи обо мне,
Живи обо мне,
Горький мой,
Крестный мой муж.

Бессонным рифмам

Мой странный путь
В ночную муть
Сковала жуть.
Мне эта суть
Не даст уснуть,
Свечу задуть.

Дочери

Далеко за громадой домов,
Далеко за замершим окном
Живет девочка, дочь моих снов,
Рядом с девочкой – маленький гном.
В душу мне вошло острие,
Не сложить мне больнее строк,
Потому что на сердце ее
Для меня повешен замок.
Сказка эта всегда со мной,
Наполняя все мои сны.
Одинокой и вьюжной зимой,
За которой не видно весны.

Вам обеим

«Он любит и меня, и дочь, но все это так по-своему…»
из слов, сказанных при свидетелях.

Одиночество, ожидание,
Зимний холод сковал пути,
И дороге моей одиноко белеть.
В одиночестве я не верю,
Что всего две зимы назад
Моя дочь училась ходить
И, ступая неловко и осторожно,
Наклонялась к цветам и камешкам.
Не судьбе – одинокому ветру
Мести вдоль холодных стен.
Не судьбе – одинокому ветру
Проноситься острой поземкой.
Как утешу чистую душу?
Как согрею руки
Маленькому человеку,
Чьи шаги мне так дороги
И так слышны?

Четверостишия с многоточиями

Вокруг цветет весна,
И по весне цветущей
За мной крадется тень
Беды моей гнетущей…

Я снова молод, потому что одинок,
Звонят звонки в чужие двери,
А я хочу в тебя поверить,
Но мой молчит звонок…

В потоках темной клеветы,
Врагами злобно возводимой,
Душа твоя сребристой чистоты
Вовек останется «по-своему» любимой…

Я остаться с тобой не могу,
Жизнь моя на другом берегу.
Но, уйдя по тонкому льду,
От тебя едва ли уйду…

Снова вам обеим

«Вот, здесь два меча…»
Лк.22:38
Довольно этих двух,
Мои жена и дочь –
Их тоже двое.
Довольно этих двух,
Рассекших жизнь мою и душу
На две половины,
До и после,

С ними и без них.
Короткий взмах судьбы,
И, истекая кровью,
Семья, заботы,
Ласки, ссоры –
Все в прошлом.
Довольно этих двух,
Пусть рассекут теперь
Мой ропот.

Ирина – мир (греч.)

Мой чистый человек,
Прохожий самарянин,
Уже который год
Я болен памятью –
Кровавой тошнотою,
И впасть в отчаянье
Так просто, так легко.
Но взгляд и голос,
Чувств твоих и слов
Сердечность и прозрачность
Елеем и вином
Мне лечат душу,
С миром примиряют.
Так имя светлое

Созвучно смыслу.

К старцу

Я волнуюсь, волнуются волны,
Навстречу волнуется мне теплоход.
С ними вместе мне плыть
По озеру, озеру чудному,
К островку, светом залитому.
Там, на острове,
Ждет меня человек,
Чей совет мне так важен.
Острым взглядом своим
Он пронижет меня
И все мне расскажет
О болезни моей и о боли,
О принятии Божьей воли.

Блаженной Ксении Петербургской

О ты, до безумия полюбившая!
О ты, без остатка себя раздарившая!
Возвыси свой голос
К Вышнему Свету,
Кроткому Спасу.
Первым словом, первой молитвой,

Печалью, покоем, как мертвой водою,
Содвинь разлученных,
Друг друга предавших,
Друг другом убитых.
Второю молитвой, второю мольбою,
Надеждой, любовью – живою водою
Всех нас окропи,
И, навеки себя обретя,
Прославят тебя муж, жена и дитя.

Именно сейчас, в наше острое, болезненное, обморочное время, когда неуверенность и нестабильность, судорожность и раздраженность стали настоящими символами жизни, когда поэты и музыканты сочиняют новые боевые гимны, под которыми люди вновь готовы броситься друг на друга, именно сейчас пусть тихо прозвучат, хотя бы вполголоса, слова о любви.

Говорили и еще не раз скажут о высокопарности этих, в сущности, не новых рассуждений.

Но парить высоко – вот чему и нужно учиться, если мы устремлены вверх. Ибо путь любви, путь к небу – путь неложный.

Снова и снова – слова о любви, о любви к вам, моим близким и дальним. Будут ли они услышаны или, отзвучав, опустятся бессильно на землю – кто знает?

Господи! Укрепи в нас любовь.

Боль по дому

… Иногда человек пишет от боли. Не имея права впадать в отчаяние от своей боли, от чужой боли, не имея права на самоубийство, он начинает писать. Иллюзия состоит в том, чтобы избавиться от боли, передав ее бумаге. «Это знает уставший».

Писать от боли – непросто. Последнее дело – скрипеть зубами, срываться на крик.

Господи! Все вышло по слову Твоему. «…Если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот». (Мк.3.25). И вот я вновь и вновь через боль и одиночество пытаюсь соединить разделившееся.

Вдумайтесь: страдание и боль – неотъемлемая часть жизни. Что, если бы возможно было выбрать, за кого, вместо кого болеть или страдать? Тогда бы я болел вместо дочери и страдал бы за своих мать и отца. Ведь я знаю, я дожил до того, что мне почти безразлично болеть или страдать самому по себе, отдельно от них. Гораздо лучше бы вместо них. А еще лучше и желанней – для того, чтобы потом встретиться с ними в будущем Доме.

Ведь спасение всему дому может прийти по вере даже одного – единственного человека, глубоко сознающего при этом свое недостоинство: «Господи! Я не достоин, чтобы ты вошел под кров мой…!» (Мф.8:18). Властно звучат к

нему призывы Самого Господа: «…Сегодня надобно Мне быть у тебя в доме» (Лк.19:5); Его Ангела: «…Призови Симона, называемого Петром…Он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой» (Деян.10:5-6, 11:13-14); Его апостолов: «Веруй в Господа Иисуса Христа и спасешься ты и весь дом твой» (Деян. 16:31) С радостью, отзываясь на них, человек получает спасение не только себе, но и своим домашним: «…Ныне пришло спасение дому сему…» (Лк.19:9). «И уверовал сам и весь дом его» (Ин.4:53). «И немедленно крестился сам и все домашние его» (Деян. 16:33).

…Постигнуть сущность боли. Боль – тот огонь, что выплавляет день за днем нам золотой запас, и избежать ее, конечно, в нашей воле, но согласиться, не болея, быть нищим? Нет, лучше пусть горит!

Не бояться себя принести в жертву, не бояться признаваться в своей любви и в своей боли. Да, боль часто бывает унизительна, ибо дает человеку возможность еще и еще раз убедиться в своей слабости, в своем малодушии. Но даже в самом, казалось бы, отчаянном положении не убойся постучать в родной Дом, там никогда не предадут тебя, там тебя всегда ждут. «…Стучите, и отворят вам» (Мф.7:7).

И вот через молчание, немоту и бессловесие, через эту тройную боль невысказанности, преодолевая затертость множества сказанных множеством людей слов, я хочу найти и поставить рядом хотя бы несколько коротких слов о Доме.

О том Доме, где не замрет, но исчезнет время, время несчастий и потерь. «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Откр.21:4). …

Конечно же, я и там буду на моей Родине, я видел во сне странный и ни на что не похожий город, город дворцов, аллей, парков, садов, каналов, набережных.

Там на тихой улице, среди сада, стоит дом моего детства, ветви яблонь склонились в окна, нависли над крышей, и часто крупные антоновки катятся со стуком вниз…

…В доме всегда светло и солнечно, свет этот мягкий, и потолки высоки, и мебель старая, но опрятная. Там, в углах комнат висят иконы, и Те, кто изображен на них, иногда заходят в дом. Моя мать, мой отец, моя дочь и я всегда встречаем их с радостью. Вспоминаются слова: «Мы придем и обитель у него сотворим» (Ин.14:23). …Я живу с родителями по праву младшего в семье. Брат и сестра живут недалеко от нас. У них большие семьи и большие дома. Часто бываю в гостях у своего деда-садовника…

…Комната моя полна книг. Беседуя с людьми, их написавшими, я не устаю удивляться глубине каждого слова, потому что здесь изреченная мысль уже не есть ложь…

Вправе ли мы молить о Доме? Да, всем нашим одиночеством, всею болью рождения и смерти мы – вправе. «Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно» (Ин.8:35). Как право иметь отца и мать, как право любить – все это,

ничем нами не заслуженное, так и право молить о вечном Доме, оно дано нам от начала, от создания мира. «Ибо знаем, что, когда земной дом наш, это хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2 Кор.5:1).

Истинный дом не может иметь ни начала, ни конца. В нем родился и я, и мой отец, и мой дед. Здесь родилась и моя дочь. Стенам этого дома расти вместе с нами. Здесь нам жить. Каждый из нас принесет сюда что-то свое. Добавится книг на полках и картин на стенах. Не будет на них только портретов предков, ибо все мы будем вместе.

Не дерзость ли это? Но ведь сказано апостолам: «…Открывайте свои желания перед Богом» (Флп.4:6). И далее: «… Что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте» (Флп.4:8). И это к нам обращены слова: «Истинно говорю вам: что свяжете на земле, то будет связано и на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф.18:18). Не об этом ли умиротворении земного и небесного говорит апостол Павел в ином месте? (см.Кол.1:20). Совершается же оно Кровию Креста.

И если мы мечтаем о небесном жительстве (См.Флп.4:20), и «не имеем здесь пребывающего града, но ищем будущего» (Евр.13:14), если хотим «удостоиться Царствия Божия» (2Фес.1:5), то жизнь наша определена. «В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я

иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я. А куда Я иду, вы знаете» (Ин.14:2-4).

На этом пути мы можем лишиться близких. Так случилось со мною, и вот, с болью и надеждой, я жду исполнения слов: «Нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время и в век будущий жизни вечной» (Лк.18;29-30). И еще сказано: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор.2:9).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.